

Как советские архитекторы проектировали памятник Христофору Колумбу в Санто-Доминго

Игорь Казусь

Весной–летом 1929 г. в Мадриде и Риме проходила выставка проектов организованного Панамериканским союзом «Конкурса для выбора архитектора монументального маяка в память Христофора Колумба, который народы мира намерены возвести в Доминиканской Республике»¹, ставшего крупнейшим на тот момент международным архитектурным состязанием². На его первом (предварительном) этапе в 1928–1929 гг. 48 стран-участниц представили 455 проектов памятника, 23 из которых были советскими³. Впервые после Октября 1917 г. архитекторы Страны Советов приняли участие в конкурсе мирового масштаба.

Идею создать грандиозный монумент в виде маяка, посвящённый памяти Колумба, высказал Антонио дель-Монте-и-Техада в 1852 г.⁴ В 1877 г. при реставрации разрушенного землетрясением (1673 г.) кафедрального собора Санта-Мария-ла-Менор в Санто-Доминго были обнаружены останки первооткрывателя, в связи с чем президент Доминиканской Республики генерал Г. Люперон в 1880 г. предложил поставить монумент именно в этом городе на о. Гаити, к побережью которого в 1492 г. пристали каравеллы Колумба. Он считал необходимым финансовое участие в этом проекте всех американских стран, Италии, Испании и других европейских государств. К 400-летию открытия Америки (1892 г.) правительство Доминиканской Республики сформировало Национальный колумбовский комитет, поручив ему создать достойное героя надгробие в кафедральном соборе Санто-Доминго, что и было сделано в 1896 г. При этом комитет вновь высказал надежду, что при получении достаточных средств прах первооткрывателя будет перенесён в специальную гробницу, увенчанную маяком. Первым шагом к реализации этой идеи стала принятая 24 апреля 1923 г. на 5-й Панамериканской конференции в Сантьяго (Чили) резолюция об увековечении памяти Колумба возведением памятника-маяка, в сооружении которого предполагалось участие всех стран мира.

© 2013 г. И.А. Казусь

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00230.

¹ Program and Rules of the Competition for the Selection of an Architect for the Monumental Lighthouse, which the Nations of the World will erect in the Dominican Republic to the Memory of Christopher Columbus. Prepared by Albert Kelsey. [Washington], 1928.

² По количеству участников он превзошёл предыдущий – конкурс 1927 г. проектов Дворца Лиги наций в Женеве, в котором советские архитекторы не принимали участие, поскольку СССР тогда не являлся членом Лиги наций.

³ Program and Rules of the second Competition for the Selection of an Architect for the monumental Lighthouse which the Nations of the World will erect in the Dominican Republic to the Memory of Christopher Columbus. Together with the Report of the international Jury, the premiated and Many other Designs submitted in the first Contest. Prepared by Albert Kelsey. [Washington], 1930. P. 5, 99. (на с. 155 приводятся иные цифры – 456 проектов из 44 стран).

⁴ Antonio del Monte y Tejada. Historia de Santo Domingo. Habana, 1852. Он призывал нации, владеющие Америкой, в знак благодарности Колумбу – «инструменту Божественного провидения» – воздвигнуть на мысе Изабелла величественный маяк, указывающий путь из Старого Света в Новый.

6 июня 1927 г. совет управляющих Панамериканского союза под председательством госсекретаря США Ф. Келлога утвердил Постоянный комитет по строительству памятника-маяка Колумбу, приняв решение о проведении конкурса на создание его архитектурного проекта. Все соответствующие расходы взяло на себя правительство Доминиканской Республики. «Техническим советником» в составе комитета стал известный архитектор А. Келси⁵, которому поручили разработать программу конкурса и условия его проведения. Прибыв в Санто-Доминго и встретившись с горячо поддерживавшим идею возведения мемориала президентом Доминиканской Республики генералом Г. Васкесом, архитектор вместе с одним из его министров – А. Моралесом выбрал для строительства место с удобной бухтой, расположенное на перекрёстке мировых морских и воздушных путей. На состоявшемся 4 апреля 1928 г. заседании Постоянного комитета были утверждены программа и условия конкурса, предусматривавшие два этапа: на первом конкурсанты получали полную свободу в выражении своих идей, а затем авторы десяти отобранных проектов должны были участвовать во втором туре, который и определил бы архитектора памятника.

«Чтобы найти идеальный символ, который достойно запечатлеет этого человека (Колумба. – *И.К.*) и его дело, – говорилось в предисловии к программе конкурса, – художник должен стремиться к универсальной точке зрения – его видение должно включить пять веков мировой истории, в которой открытие Америки является самым трансцендентным фактом. Он должен учитывать в своей концепции обширнейшую картину исторических эпох, в которой рельефно проступают Возрождение, цивилизация Испании эпохи Изабеллы, три американских цивилизации – туземная, колониальная и современная, перенос классических маршрутов торговли из внутреннего Средиземного моря в безграничные Атлантический и Тихий океаны, и влияние Нового Света на идеологическую, экономическую и политическую ориентацию западной цивилизации»⁶.

Помимо создания монумента, исполненного силы духа, несущего символику и романтику прошедших веков и одновременно включающего достижения современной архитектуры, перед участниками конкурса ставилась задача планировки Панамериканского парка площадью 1 тыс. га. Памятник был призван символизировать величие Америки, подчёркивать открытие континента как величайшего события в истории человечества, своей монументальностью показывать силу и мощь человека, его обращение к потомкам. Требовалось, чтобы мемориал был виден отовсюду, но не превышал 185 м; в нём должны были находиться часовня, куда планировалось перенести прах Колумба, и музей связанных с открытием Америки реликвий. Архитекторам следовало учесть местные условия, особенности ландшафта и климата. Конструктивно предусматривалось сейсмостойкое сооружение (стальной или железобетонный каркас), но поверхность монумента предлагалось выполнить из благородного материала (в программе конкурса указывалось, что Доминиканская Республика располагает месторождением кораллового камня). На территории комплекса рассчитывали разместить аэропорт, административный центр с резиденцией

⁵ Келси Альберт (1870–1950) – первый президент Архитектурной лиги Америки, автор ряда крупных сооружений в разных городах США, в частности, здания Панамериканского союза в Вашингтоне (1908–1910 гг.).

⁶ Program and Rules of the Competition... С. 5.

президента Республики, несколько официальных местопребываний, правительственных зданий и жилые кварталы вдоль ведущей в г. Бокачита дороги. Но доминировать в этом ансамбле должен был памятник-маяк Христофору Колумбу, выразительный не только днём, но и ночью (с использованием света).

Конкурс объявили 1 сентября 1928 г. (со сроком представления проектов в Мадрид до 1 апреля 1929 г.) и тогда же, в сентябре, изданная в виде книги программа конкурса через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), возглавляемое О.Д. Каменевой, поступила в СССР. В этот период в организации культурной дипломатии Советского Союза экономические интересы всё более уступали место политическим, и подобные международные контакты стали считаться не только желательными, но даже необходимыми⁷. Главными «инстанциями», контролировавшими и направлявшими советскую культурную дипломатию, являлись ЦК ВКП(б) и его Политбюро, без согласования с которыми массивная архитектурная «вылазка» на Запад вряд ли была бы возможна. Хотя свидетельств подобного согласования (или указания) обнаружить пока не удалось, но косвенно это подтверждает энергия, с которой ВОКС пыталось вовлечь архитекторов в работу по конкурсу на проект монумента открывателю Нового Света. Не исключено, что власть желала получить международную оценку их творческих интенций накануне подготовки к проектированию грандиозного Дворца Советов в Москве – памятника-монумента «великому Ленину».

О претензиях ВОКСа на своеобразную монополию в развитии культурных связей свидетельствовали некоторые организационные особенности привлечения архитекторов к конкурсу: хотя он был объявлен открытым, в печати о нём не сообщалось; разработку конкурсных проектов архитекторам фактически заказали, но на безвозмездной основе, поскольку вложения государства в культурную дипломатию были тогда весьма ограниченными⁸. Ряд привлечённых участников всё же потребовал оплаты труда помощников. Так, выделения средств добился инженер А.А. Пороховщиков⁹, обосновывая свою просьбу необходимостью «привлечения нескольких исполнителей для изготовления чертежей, схем и т.п. из числа студентов-выпускников ВХУТЕИНа» (Высший художественно-технический институт). Его поддержал член бюро правления ВОКС Л.М. Брагинский, обратившийся к председателю Центрального бюро по реализации изобретений ВСНХ СССР М.О. Шипову¹⁰ и наркому просвещения А.В. Луначарскому, которому он писал: «Это первый международный конкурс, на котором СССР участвует, НКИД¹¹ и мы придаём ему большое значение. ВОКС привлёк к участию крупных архитекторов в Москве, Ленинграде и [на] Украине»¹².

⁷ Голубев А.В. «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004. С. 97, 99.

⁸ Согласно специальному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О международных конкурсах» (1932 г.), «все международные конкурсы, намечаемые органами СССР и связанные с валютными платежами, могут объявляться лишь с разрешения ЦК» (Цит. по: Голубев А.В. Указ. соч. С. 143–144).

⁹ Пороховщиков Александр Александрович (1892–1941) – инженер-изобретатель и авиаконструктор, в 1940 г. – главный конструктор проектно-судовой группы НИИ лесного хозяйства.

¹⁰ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 68.

¹¹ Наркомат иностранных дел СССР, являясь одним из учредителей ВОКСа (1925 г.), считал его одним из своих подразделений.

¹² ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 42.

В 1928–1929 гг. в ВОКС входили Всеукраинское и Белорусское республиканские общества, Ленинградское представительство, а также Владивостокское, Бакинское и Закавказское отделения¹³. Однако фактически, реализуя свои задачи, всесоюзное общество могло действовать только в наиболее обеспеченных архитектурными силами Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве. 8 января 1929 г. в Объединение современных архитекторов (ОСА), Московское архитектурное общество (МАО), Ассоциацию новых архитекторов (АСНОВА) и на архитектурный факультет ВХУТЕИНа были направлены приглашения на намеченное в Москве на 11 января совещание «для решения всех практических и организационных мероприятий относительно участия советских архитекторов» в конкурсе проектов памятника-маяка. В нём генеральный секретарь ВОКСа Ф.Л. Линде напоминал о том, что три месяца назад всем участникам были разосланы полученные от Комитета по организации конкурса программы¹⁴, и просил ускорить работу и «вопрос решить в ту или иную сторону и не отрезать себе возможность выступать на таких конкурсах в дальнейшем»¹⁵.

11 января на совещании в ВОКСе с участием архитекторов Г.П. Гольца (МАО), известного советского «полпреда искусства» Л.М. Лисицкого, К.С. Мельникова, А.К. Бурова, В.В. Тарасова¹⁶ и скульптора С.Д. Меркурова было заявлено, «что некоторые архитекторы уже конкретно приступают к осуществлению работы по *идеологическому проекту* (здесь и далее курсив мой. – И.К.)». «Ввиду того, что выступлению СССР на этом конкурсе придаётся *большое политическое значение*¹⁷, что советским архитекторам необходимо, во что бы то ни стало, иметь возможность выступать и на последующих международных конкурсах», в протоколе совещания предписывалось «принять все зависящие меры, чтобы выступление архитекторов состоялось, несмотря на большую перегруженность текущей работой крупных архитекторов в СССР»¹⁸. На совещании прозвучало, что архитекторы настроены «активно осуществлять работу», но она тормозится отсутствием специальной бумаги, туши и т.п. Было решено просить ВОКС снабдить участников этими «самыми

¹³ Там же, оп. 2, д. 50, л. 2.

¹⁴ История работы над проектом памятника Колумбу ленинградского архитектора Н.Е. Лансере подтверждает, что программа конкурса дошла до советских участников уже в сентябре 1928 г.: «Николай Евгеньевич долго колебался, прежде чем окончательно решил принять участие в этом конкурсе. Сделав несколько эскизов в сентябре и октябре 1928 г., он надолго прервал свою работу. В письме к брату, Евгению Евгеньевичу Лансере, датированному 23 декабря, Николай Евгеньевич ещё выражал сомнение в возможности выполнения проекта: “Хотел бы сделать проект памятника-маяка Колумбу – получил программу в виде целой книги из Нью-Йорка, да не знаю, успею ли! Если бы ещё в компании (с Андр[еем] Андреевичем) [Олем], но он тоже занят”. Всё же с 1 января 1929 г. Лансере вернулся к прерванной работе» (Оль Г.А., Лансере Н.Н. Н.Е. Лансере. Л., 1986. С. 114).

¹⁵ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 28.

¹⁶ Тарасов Владимир Васильевич (1893–1967) – архитектор, окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) (1918 г.), где он работал над дипломным проектом под руководством И.В. Жолтовского, считая его «единственным своим учителем в области архитектурного мышления». С 1926 г. работал в строительной конторе Мосстрой (ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 185).

¹⁷ Словосочетания «идеологический проект» и «большое политическое значение», не использовавшиеся в архитектурной среде конца 1920-х гг., видимо, появились в касающихся конкурса документах из руководящих инстанций.

¹⁸ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 33.

необходимыми материалами» и взять на себя отправку проектов в Мадрид. Бумага для чертежей действительно требовалась, поскольку программа конкурса предусматривала необходимый состав проекта – 6 чертежей на белой бумаге крупного формата: фасад и разрез памятника-маяка в масштабе 1:200 на вертикальных листах (81 × 168 см), общий ситуационный и генеральный планы ансамбля (в масштабе 1:4 000), перспектива, планы различных уровней, детали экстерьера и интерьера – на горизонтальных листах (81 × 137 см). Поэтому за два месяца до срока сдачи проектов в официальном письме от 21 января 1929 г. Линде обратился в *магазин ОГПУ* с заявкой на высококачественную чертёжную бумагу (фирмы «Шеллерсхаммер», Германия), «которая по нашим сведениям имеется у Вас. Обращаемся к Вам с просьбой выдать нам за наличный расчёт один рулон такой бумаги в 50 метров и забронировать за нами второй такой же рулон сроком на одну неделю до выяснения, какое точно количество нам необходимо»¹⁹.

Особенностью конкурса на проект монумента в Санто-Доминго стало то, что в программе не определялись члены жюри²⁰. Для включения в его состав конкурсантам предлагалось выдвинуть 8 кандидатур архитекторов других стран и двух – от своей. На совещании в ВОКСе 11 января 1929 г. был составлен общий список от всех советских участников конкурса, включавший «дружественного кандидата». В связи с этим в предложенный список всемирно известных архитекторов современной направленности (О. Перре, А. Лоос, В. Гропиус, Я.Й. Ауд, Х. Геринг, Ф.Л. Райт, художник Д. Ривера) вошёл эмигрант Э. Норверт (Польша)²¹, хорошо известный лишь советским специалистам²². На заседании 8 февраля 1929 г. происходило «утверждение двух кандидатов в жюри от СССР». Повестку разослали А.В. Щусеву, К.С. Мельникову, Л.М. Лисицкому, А.А. Пороховщикову, Я.И. Райху, Н.А. Ладовскому, С.Д. Меркурову, В.В. Тарасову, А.К. Бурову, И.В. Жолтовскому, братьям А.А. и Л.А. Весниным, И.И. Леонидову (в ОСА через А.М. Гана), Г.П. Гольцу, АСНОВА и аспирантам архитектурного факультета ВХУТЕИНа²³. По итогам анкетного опроса были названы восемь кандидатур: московские архитекторы М.Я. Гинзбург, Н.В. Докучаев, Д.Ф. Фридман, А.А. Веснин, П.И. Анти-

¹⁹ Там же, л. 45. На один проект шло 12 погонных метров бумаги.

²⁰ Эта непривычная для СССР практика впоследствии применялась на конкурсах проектов Дворца Советов, здания Наркомтяжпрома и др.

²¹ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 33. Норверт Эдгар (Александр Иванович) (1884–1950) – окончил Московское инженерное училище путей сообщения (1905 г.), Петербургский институт гражданских инженеров (1913 г.), работал под руководством А.В. Щусева на строительстве Казанского вокзала в Москве, преподавал во ВХУТЕМАСе и МВТУ, проектировал и строил ряд промышленных сооружений в Москве, Ногинске и Ярославле, с 1926 г. профессор Варшавского политехнического института.

²² Против его кандидатуры возражала АСНОВА. Её председатель правления М.П. Коржев и секретарь А.А. Сильченков писали 31 января 1929 г.: «1) По мнению Ассоциации архитектор Норверт Э. проявил себя слабо в своих работах и поверхностным мастером; 2) Архитектор Норверт уехал из СССР в самый решительный момент построения новой архитектурной школы; 3) Остаётся за границей значительный срок, будучи послан по командировке НКП, что вызывает у АСНОВА сомнение в его отношении к СССР. И, наконец: 4) Находясь в СССР, являлся ясно выраженным противником всяких новых исканий в области архитектуры» (Там же, л. 55). Тем не менее одобренный совещанием список 31 января 1929 г. был направлен Келси (Там же, л. 51), что может свидетельствовать о предварительном согласовании кандидатуры Норверта с вышестоящими инстанциями.

²³ Там же, л. 63, 63 об.

пов, А.Ф. Орлов, И.В. Жолтовский и художник К.С. Малевич (Ленинград)²⁴, список которых за подписью Линде 14 февраля 1929 г. телеграфом направили Келси в Вашингтон²⁵. Однако Комитет Панамериканского союза не учёл оба советских списка – в состав международного жюри вошли архитекторы Г. Акоста-и-Лара (Уругвай) – председатель, Р. Худ (США) и Э. Сааринен (Финляндия)²⁶.

Уже на февральском совещании ВОКСа выяснилось, что архитекторы один за другим начали отходить от предложенной им конкурсной работы. Так, ведущий теоретик конструктивизма Гинзбург ещё 20 января 1929 г. заявил: «Вследствие своей крайней перегруженности в настоящее время неотложной работой, к своему величайшему сожалению, принять участие в международном конкурсе на памятник Колумбу не в состоянии»²⁷. Накануне совещания лидеры конструктивизма А.А. и Л.А. Веснины сообщили: «Ввиду предстоящей большой работы по Ленинской библиотеке мы, к сожалению, не можем принять участия в международном конкурсе на маяк им. Колумба». Аспиранты ВХУТЕИНа февральское заседание и вовсе проигнорировали²⁸.

19 февраля 1929 г. Линде писал Келси: «На днях мы телеграфировали Вам с просьбой сообщить действительно ли 1-ое апреля с.г. является тем сроком, до которого проекты... должны прибыть в Мадрид. К сожалению, мы не получили Вашего ответа и нам придётся ориентироваться на указанный срок. Дело в том, что многие архитекторы, принимающие участие от СССР на этом конкурсе, чрезмерно перегружены работой, и продолжение срока для них является весьма существенным. Посылаем Вам анкету архитектора Чернышёва и скульптора Шадра, которые изготовляют совместный проект. Заполненную карточку от них на оставление места для экспонирования проекта мы выслали несколько дней тому назад. Они являются крупными работниками, и потому мы надеемся, что Вы примете их проект, который будет выслан одновременно с проектами других участников из СССР»²⁹.

За месяц до отсылки проектов ВОКС полагало, что в Москве над ними работают Леонидов, Ладовский, Лисицкий, Мельников, Щусев, Пороховщиков, Тарасов, С.А. Власьев и скульптор Меркуров, Буров и Гольц, В.Ф. Кринский, С. Смоленский, С.Е. Чернышёв и скульптор И.Д. Шадр. 21 февраля им направили извещение, что последним сроком сдачи проекта в ВОКС является 15 мар-

²⁴ Кандидатуру Докучаева внёс Тарасов, Антипов и Орлов выдвинуты Мельниковым, Жолтовского и Щусева, который как участник конкурса в список не вошёл, предложили С.А. Власьев и Меркуров, имя Малевича назвал А.С. Никольский. Примечательно, что руководителей ОСА А.А. Веснина и Гинзбурга выдвинуло Общество современных архитекторов Украины (ОСАУ). См.: Там же, л. 39, 43а, 43б, 44; оп. 2. д. 50, л. 53.

²⁵ Там же, оп. 11, д. 58, л. 74.

²⁶ Худ и Сааринен в 1922 г. получили соответственно первую и вторую премии за проекты в стилистике ар деко в крупном конкурсе на здание газеты «Чикаго Трибюн», что, видимо, и стало причиной их выбора в жюри.

²⁷ Там же, л. 41.

²⁸ Там же, л. 64, 67. Братья Веснины принимали участие в конкурсе на проект нового здания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в 1928–1929 гг.

²⁹ Там же, л. 79. Как потом выяснилось, срок представления проектов, действительно, был продлён до 10 апреля 1929 г. не только по просьбам конкурсантов, но и в связи с форсмажорными обстоятельствами – два проекта финских архитекторов находились на борту парохода, зажатого льдами; проект из Родезии задерживался из-за забастовки железнодорожников в Южной Родезии и т.д. (Program and Rules of the second Competition... Р. 155). Но проект Чернышёва и Шадра не был отправлен в Мадрид.

та 1929 г.³⁰, после чего окончательно отсеялись явно не успевавшие выполнить работу. Так, 2 марта Смоленский сообщил в ВОКС: «На запрос по телефону об участии Смоленских³¹ в конкурсе на памятник Колумбу я не дал определённого ответа, поскольку мы были заняты другой работой и поскольку тогда не был ещё известен срок подачи. Теперь же по выяснении последнего обстоятельства прошу исключить нас из списка участвующих»³².

Более неопределённой оказалась ситуация в Ленинграде. 31 января 1929 г. ленинградский представитель ВОКСа К.Н. Державин сообщал Линде: «Сейчас активно по конкурсу работает только архитектор Никольский с группой своих учеников. К великому сожалению, архитектор Серафимов³³, который мог бы представить интересный проект, настолько оказался перегруженным работой, что вынужден был отказаться от участия в конкурсе. Примерно в таком же положении обстоит дело и с акад. [В.А.] Щуко. У него сейчас очень много работы в связи с ленинградским строительством и новыми театральными постановками³⁴. Однако он выражает желание разработать проект, но не иначе как в форме лепной модели, на изготовление которой он, согласно его заявлению, прилагаемому при этом, испрашивает 400 рублей³⁵, которыми он сейчас не располагает. Быть может, Вы сочли бы возможным при таких условиях *не настаивать на участии Щуко в конкурсе*³⁶, а выдвинуть его кандидатуру в жюри? Сам Щуко очень к этому склонен, хотя со своей стороны и назвал Луначарского и сегодня ещё, дополнительно, [И.А.] Фомина»³⁷. Видимо, Державин в тот момент не всё знал о работе над проектами, поскольку из Ленинграда на конкурс их послали Н.Е. Лансере, А.Е. Белогруд, С.Е. Бровцев, П.С. Дуплицкий, Л.А. Ильин, Е.И. Катонин, И.Г. Лангбард и О.Р. Мунц.

Но самой сложной оказалась ситуация в Украинской ССР. 12 января 1929 г. Линде писал члену правления ОСАУ И.И. Малозёмову: «Времени для работы осталось очень мало. Обращаемся к Вам с просьбой энергично взяться за дело получения *идеологических проектов, утятя политическое значение участия СССР* в целом, а национальной республики в частности, на международном конкурсе»³⁸. Однако прошедшие со времени объявления конкурса три месяца

³⁰ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 82, 82 об.

³¹ Он, видимо, заявлял своё участие вместе с Р.М. Смоленской.

³² Там же, л. 91.

³³ Сергей Саввич Серафимов – автор построенного к тому времени здания Госпрома ВСНХ в Харькове.

³⁴ Кроме того, Щуко в это время участвовал в конкурсе на проект здания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в Москве.

³⁵ В заявлении от 29 января 1929 г. Щуко писал: «Предполагая осуществить предложенный мне памятник Колумбу в модели, так как в ином виде мне его представлять не хотелось, я прошу отпустить мне сумму в размере четырехсот рублей, необходимую мне для её осуществления. Желая осуществить эту работу, я прошу пойти мне в этом навстречу, ибо в противном случае я буду поставлен перед вопросом отказа от этой работы» (ГА РФ, оп. 11, д. 58, л. 46). В письме от 4 февраля 1929 г. Линде ответил Державину: «К сожалению, если академик Щуко ставит вопрос о том, чтобы мы дали ему 400 руб. на изготовление модели, то мы должны будем от этого отказаться. Денег у нас нет. Всех участников мы убедили изготовлять проекты без какой-либо оплаты и поэтому делать исключение, хотя бы для одного, нам невозможно» (Там же, л. 62).

³⁶ В 1933 г. специальным постановлением правительства Щуко был включён в авторский коллектив, работавший под руководством Б.М. Иофана над проектом Дворца Советов в Москве. Возможно, и в 1929 г. ВОКС так или иначе обязали получить от Щуко конкурсный проект памятника Колумбу.

³⁷ ГА РФ, Ф. 5283, оп. 2, д. 50, л. 53.

³⁸ Там же, оп. 11, д. 58, л. 34.

были упущены. Для Линде стало неожиданностью, что программа конкурса, которую ВОКС просил Келси направить «непосредственно на Украину»³⁹, туда не поступила. В связи с этим генеральный секретарь Всеукраинского общества культурных связей с заграницей (ВУОКС) Витык 18 января 1929 г. в своём письме в Москву сетовал, что «получены не все материалы, необходимые для конкурса. Не достаёт книги с основными условиями конкурса и первых ответов [на вопросы конкурентов]. Отсутствие указанных материалов лишает наших архитекторов возможности приступить к работе»⁴⁰.

Линде, пытаясь исправить ситуацию, направляя полученные от Келси информационные материалы и анкеты Малозёмову, а также другим молодым архитекторам Украины (А.М. Касьянов, Ю.И. Волошинов, Г.А. Яновицкий, С.М. Кравец, В.К. Троценко, И.Г. Таранов, С.А. Татаренко и Я.А. Штейнберг), просил создать совещание ОСАУ и сообщить ВОКСу, «кто из получивших анкеты представит [конкурсные] работы»⁴¹. Но на Украине над проектом работал, как оказалось, только секретарь ОСАУ Касьянов. Поэтому 9 февраля 1929 г. Брагинский настаивал: «Телеграфируйте фамилии участников конкурса Колумба кроме группы Касьянова»⁴², на что 19 февраля ответили: «Дополнительно [из] Киева группа инженеров [под] руководством Волошинова»⁴³.

После получения этого ответа ВОКС сообщил в Мадрид, что от СССР в конкурсе участвуют Леонидов, Ладовский, Лисицкий, Мельников, Щусев, Пороховщиков, Тарасов, Кринский, Смоленский, группы: Власьев и скульптор Меркуров, Буров и Гольц (Москва); Щуко, Никольский, П.А. Орловский (Ленинград); Касьянов (Харьков), Волошинов (Киев)⁴⁴. Как оказалось, этот список был предварительным и неполным. Неясность в отношении реальных проектов оставалась до дня их отправки на конкурс. Так, письмом от 14 марта 1929 г., уже накануне назначенной ранее даты, отдел выставок ВОКС обратился в Текстильторг с просьбой «отпустить за наличный расчёт архитектору Тарасову (пять) 5 метров простого коленкора для наклейки чертежей, отправляемых для участия на Международном конкурсе архитекторов в Америке»⁴⁵. А запоздавшие с исполнением проектов ленинградские архитекторы (или их представители) сами срочно доставляли их в столицу. Например, 15 марта 1929 г. в сопроводительном письме ленинградского представительства заведующему отделом выставок ВОКС А.И. Ешукову сообщалось: «Предъявительница сего гр[ажданка] Ковальская-Ильина⁴⁶ доставит Вам во вторник 19-го марта проект

³⁹ Там же, л. 40.

⁴⁰ Там же, л. 39. Аналогичное письмо в адрес ВОКСа 16 января 1929 г. выслали Малозёмов и Касьянов, добавив: «По получении от Вас основной программы конкурса мы сообщим, кто наверняка будет работать от УССР и какие материалы (бумага, тушь) нельзя здесь достать» (Там же, л. 37).

⁴¹ Там же, л. 29.

⁴² Там же, л. 66.

⁴³ Там же, л. 65. Но сам Ю.И. Волошинов 15 марта телеграфировал в ВОКС: «[От] Колумба отказался месяц назад [из-за] краткости срока» (Там же, л. 105). Причиной отказа, скорее всего, послужило то, что он в соавторстве с С.А. Татаренко в это время участвовал (и получил премию) в объявленном ОСАУ Всесоюзном конкурсе на проект жилмассива «Луч» в Харькове, сроком подачи проектов по которому было 28 марта 1929 г. (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. № 30. 6 февраля; № 96. 26 апреля.).

⁴⁴ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 72.

⁴⁵ Там же, л. 98.

⁴⁶ Ковальская-Ильина Полина Владимировна (1892–1940) – архитектор, художник, жена Л.А. Ильина.

архитектора Ильина. Прошу Вас принять меры к срочной отправке [в Мадрид] означенного проекта»⁴⁷. На следующий день, 16 марта, он писал: «Гр[ажданка] Ильина⁴⁸ доставит Вам во вторник ещё один проект – инж. Бровцева»⁴⁹.

Чтобы не сорвать сроки отправки проектов, Линде 15 марта письменно предупредил московский Главный почтамт: «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей согласно телефонной договорённости сообщает Вам, что не позднее вторника 19-го марта с.г. мы Вам сдадим около 25 отдельных роликов⁵⁰, в которые запакованы проекты советских архитекторов – участников Международного конкурса по постройке маяка им. Колумба в Америке. Этот конкурс состоится в Мадриде до 1-го апреля [19]29 г. Просим Вас обратить особое внимание на отправку этого материала в Мадрид, принять все необходимые меры, чтобы он не задерживался в пути и поручить также обеспечить свободный пропуск в других странах этих посылок, так как их размер – 81 см длины несколько больше размера, установленного почтовой конвенцией. Но этот размер является стандартным»⁵¹.

Сопоставление документов архива ВОКС позволило установить действительных участников выставки конкурсных проектов памятника-маяка Христофору Колумбу. На 26 марта 1929 г. Линде в письме Державину подтвердил получение восьми проектов (В.Г. Самородова⁵², Ф.П. Фёдорова, Лангбарда, Мунца, Орловского, Белогруда, Катонина, Лансере)⁵³, сообщив, что «кроме этого мы получили проекты от академика Щуко, Л.А. Ильина, П.С. Дуплицкого и инж. Бровцева⁵⁴. Очень сожалеем, что нет проекта группы Никольского. Все эти проекты уже отправлены нами в Мадрид»⁵⁵. Тогда же Линде обратился к первому секретарю полпредства СССР во Франции И.А. Дивильковскому⁵⁶ с просьбой информировать ВОКС о дальнейшем ходе конкурса⁵⁷. Окончательный список конкурсантов представлен в письме сотрудника отдела выставок ВОКС В. Мильмана от 18 июля 1929 г.: 1. А.В. Щусев, 2. Г.Т. Крутиков, 3. В.Ф. Кринский, 4. С.А. Власьев, 5. В.В. Тарасов, 6. А.А. Пороховщиков, 7. К.С. Мельников, 8. Н.А. Ладовский, 9. И.И. Леонидов, 10. О.Р. Мунц, 11. А.Е. Белогруд, 12. Е.И. Катонин, 13. П.А. Орловский, 14. В.Г. Самородов, 15. Ф.П. Фёдоров,

⁴⁷ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 102.

⁴⁸ П.В. Ковальская-Ильина.

⁴⁹ Там же, л. 103.

⁵⁰ Количество ожидаемых проектов было больше (видимо, учитывались не поступившие в срок проекты Никольского и Чернышёва).

⁵¹ Там же, л. 101.

⁵² Самородов Владимир Георгиевич (1893–1978) – инженер-архитектор, окончил Институт гражданских инженеров (1922 г.), 3 года учился в Академии художеств по классу скульптуры (Там же, л. 194).

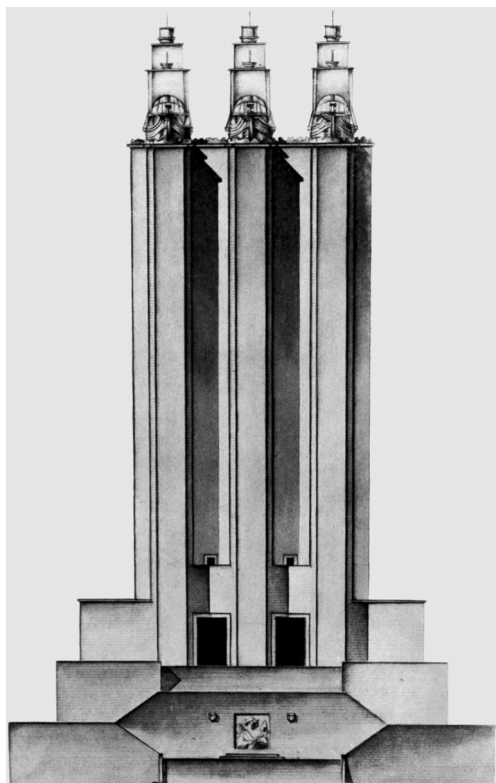
⁵³ Фамилии следуют в порядке «Списка участников конкурса» от 21 марта 1929 г. (Там же, л. 113).

⁵⁴ В документе фамилия указана неправильно: «Бродского».

⁵⁵ Там же, л. 116.

⁵⁶ Дивильковский Иван Анатольевич (1901–1935) – дипломат, уполномоченный ВОКС в Париже, погиб в автомобильной катастрофе.

⁵⁷ Линде писал Дивильковскому 20 марта 1929 г.: «Через нас советские архитекторы принимают участие на Международном конкурсе по постройке маяка им. Колумба в Америке. Комиссия жюри конкурса будет заседать в Мадриде после 1-го апреля с.г. Наши участники, конечно, очень заинтересованы в прохождении конкурса и потому обращаемся к Вам с просьбой, если это возможно, подписаться на вырезки из испанских и французских газет, дающих представление о конкурсе в целом, а также, если будет такая информация, об участии советских архитекторов» (Там же, л. 108).

Н.Е. Лансере. Конкурсный проект маяк-памятника Х. Колумбу в Санто-Доминго. 1928–1929 гг. Главный фасад.

16. И.Г. Лангбард, 17. С.Е. Бровцев, 18. Н.Е. Лансере, 19. П.С. Дуплицкий, 20. Л.А. Ильин, 21. А.М. Касьянов, 22. В.А. Щуко⁵⁸. Учитывая, что Лансере направил в Мадрид два варианта своего проекта⁵⁹, это и есть реальные советские участники конкурса⁶⁰. Однако общее количество готовивших эти проекты, учитывая соавторов, – 34 человека. Так, в проекте Щусева участвовали Г.К. Яковлев и И.А. Француз⁶¹; Г.Т. Крутиков представил совместный проект с А.В. Буниным и Т.Н. Варенцовым, Кринский – с А.М. Рухлядевым⁶², О.Р. Мунц – с сыном В.О. Мунцем⁶³, Е.И. Катонин – с В.А. Витманом и В.В. Даниловым⁶⁴, Дуплицкий – с Д.Б. Савицким⁶⁵, Щуко – с В.Г. Гельфрейхом⁶⁶, Ильин – с А.П. Великановым⁶⁷, в проекте Власьева участвовал скульптор Меркуров⁶⁸.

Кроме перечисленных, известны также проекты архитекторов Г.М. Людвига и Я.Г. Чернихова, которые не были предъявлены авторами в ВОКС и в конкурсе не участвовали, и идея проекта памятника Колумбу, изложенная в пояснительной записке скульптора Шадра. В проекте Людвиг-

⁵⁸ Там же, л. 140.

⁵⁹ 14 марта 1929 г. Лансере сдал 12 листов чертежей (каждый проект включал 6 чертежей) в Ленинградское представительство ВОКС, которое отправило их в Мадрид (Оль Г.А., Лансере Н.Н. Указ. соч. С. 122). Об этом ВОКС предупредило Келси в письме от 28 марта 1929 г., где указывалось: «Проект одного автора составляет две посылки, которые пронумерованы нами за №№ 1 и 2» (ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 119, 120).

⁶⁰ Именно 23 проекта было отправлено ВОКСом в Мадрид, и это же число названо в книге Панамериканского союза. См.: Там же, л. 120; Program and Rules of the second Competition ... Р. 99.

⁶¹ Академик Алексей Викторович Щусев. Каталог-путеводитель по фондам музея. К 100-летию со дня рождения. М., 1977. С. 69.

⁶² Хан-Магомедов С.О. Рационализм (рацио-архитектура) – «формализм». М., 2007. С. 466.

⁶³ Об этом указано в биографии О.Р. Мунца: «Проект памятника-маяка Христофору Колумбу выполнен в сотрудничестве с сыном архитектором Владимиром Мунц[ем...], окончившим ту же Академию Художеств в 1926 г. и зарекомендовавшим себя за последние два года успешным участием в архитектурных конкурсах» (ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 197).

⁶⁴ Ежегодник Общества архитекторов-художников. Вып. 13. Л., 1930. С. 38.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 104.

⁶⁶ С которым В.А. Щуко в советское время всегда работал вместе.

⁶⁷ Ильин Л.А. Мой творческий путь // Архитектура Ленинграда. 1938. № 2. С. 64.

⁶⁸ После завершения первого тура заведующий отделом выставок ВОКСа Ешуков 29 апреля 1929 г. заказным письмом направил Келси биографии и портреты советских участников конкурса, в том числе и архитектора Великанова (Ленинград) (ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 130).

га наряду с использованием монументальных форм – круглая в плане башня-маяк и скульптура Колумба – дано оригинальное решение акустического заслона, с помощью рядов деревьев и кустарников (из расчёта по соответствующим формулам) заглушающего звуки морского прибоя⁶⁹. Мастер экспрессионистских композиций Чернихов в своей книге «Основы современной архитектуры», вышедшей в 1929 г. и переизданной в 1931 г., опубликовал 5 вариантов возможного композиционного решения памятника Колумбу, придав им разные наименования: «объёмно-конструктивная композиция с динамическим уклоном», «плоскостное решение архитектурной фантазии», «вариант Е», «вариант Q», используя как принципы формообразования супрематизма и конструктивизма, так и символизм ар деко⁷⁰.

Хотя совместный проект Чернышёва и Шадра, видимо, не состоялся (во всяком случае, неизвестен), в его основу, возможно, планировалось положить идею Шадра, который полагал, что «совершенство американской техники могло бы заглянуть немного далее устарелой формы маяка, изображающей каменную башню». В его замысле памятник Колумбу предстаёт как гигантский архитектурно-скульптурный комплекс, который, последовательно раскрываясь посетителю, включает «Сад Мировой Скорби с Воротами Вечности» и «Озёром Слёз», затем «Сад Радости» (с размещением статуй – оригиналов и копий «величайшего мирового искусства всех времён и народов, главным образом тех из них, которые говорят о радости совершенства и счастья»), в котором могли бы вместиться «Дворец Разумного Труда, Лаборатория Мысли, Арена Искусств, Акустика для Свободного Слова», венчаемые «Колоколом Мира». «Если Комитет конкурса заинтересуется моей идеей, – писал Шадр, – то я охотно готов сообщить дополнительные данные в графической или скульптурной форме, которые, к сожалению, в настоящее время я не успел сделать»⁷¹.

Необходимо отметить, что в отсутствие на конкурсе таких известных мастеров архитектуры «современного движения», как Ле Корбюзье, Мис ван дер Роэ, В. Гропиус, Г. Майер, Я.И. Ауд, Б. Таут и др. (для них оказались чужды либо тема мемориала Колумба, либо традиционалистский состав жюри) от СССР благодаря настойчивым усилиям ВОКС были представлены именно лидеры авангардных направлений (преимущественно из Москвы). Их творческие работы принципиально расширили представление не только о типе мемориального сооружения, но и об арсенале средств и приёмов монументализации его образа. Весьма успешной на конкурсе оказалась и группа ведущих мастеров дореволюционной классической школы, творивших в стиле ар деко (преимущественно из Ленинграда) – Щуко, Мунц, Белогруд, Лангбард, Лансере, Катонин, Ильин, Щусев и др. Это же направление на конкурсе представляли советский архитектор В.К. Олтаржевский, работавший тогда в США и вскоре возвратившийся в Москву, и Н.В. Васильев, хотя и эмигрировавший после революции, но активно участвовавший в советских конкурсах. Проекты этих архитекторов, связанных с Академией художеств, органично влились в общий мейнстрим ар деко, характерный для зарубежных проектов конкурса памятника-маяка.

⁶⁹ Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Кн. 1. М., 1996. С. 546.

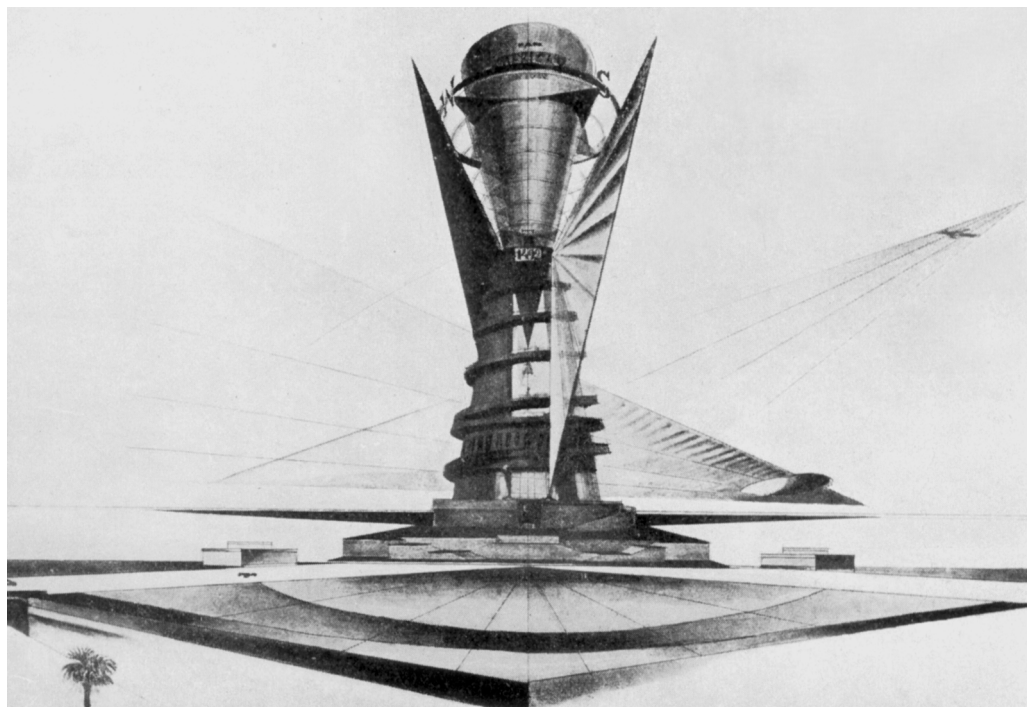
⁷⁰ См.: Чернихов Я. Основы современной архитектуры. Экспериментально-исследовательские работы. Л., 1931.

⁷¹ Шадр. Литературное наследие. Переписка. Воспоминания о скульпторе. М., 1978. С. 100–104.

Оценивая результаты предварительного этапа конкурса, международное жюри, завершившее работу 20 апреля 1929 г., отдало предпочтение не окончательно проработанным проектам, а тем, в которых усматривало потенциал развития их идей в более масштабные⁷². При этом жюри выделило проекты из СССР в группу с особыми архитектурными качествами, все они были представлены в самостоятельном разделе на выставке конкурсных проектов сначала в Мадриде (открыта 28 апреля 1929 г. во дворце парка Эль Ретиро), а затем в Риме (с 7 августа 1929 г. во Дворце выставок). Традиционалистское жюри конкурса поддержало проекты в стилистике ар деко. Одной из десяти первых премий жюри удостоило Олтаржевского (входившего в группу американских архитекторов) и почётным дипломом – Лансере за второй вариант его работы. Оба проекта в числе отмеченных двадцати были опубликованы в книге, изданной Панамериканским союзом по итогам первого этапа конкурса.

Келси на страницах этой книги из всех советских проектов особо прокомментировал только авангардистские: Мельникова, Белогруда, Ладовского, Крутикова (соавторы Бунин и Варенцов), Тарасова и Касьянова. Комментарии «технического советника» интересны тем, что не только подчёркивают их выдающиеся достоинства, но и содержат критические замечания. Объясняя мотивы, которыми руководствовалось жюри, Келси писал: «Борьба за принципиально новое, более сильное, более простое и более жизненное, чем существовало в архитектуре до настоящего времени, идёт сейчас во многих странах, а в России поиски и эксперименты ведутся с особой интенсивностью. Для коммунистов архитектура тоже революционное оружие или, более точно, – другое эволюционное средство выражения, служащее и практическим утилитарным целям, и широкому распространению идей коммунизма. Советский архитектор пытается решить функциональную задачу самым современным и научным способом, выражая массовость производства, эру электричества и, прежде всего, восставая против роскоши и эксклюзивности. “Один за всех и все за одного” – это советский девиз, и в своей кампании против капитализма, представляющей интереснейший социальный эксперимент, Советы его осуществляют, и многие внешние наблюдатели начинают верить, что эти идеи такие же стимулирующие и вдохновляющие, как и другие, которыми руководствуется человечество. Однако, быть может, мы старомодны и привязаны к старым убеждениям и традициям, и по этой причине не в состоянии в полной мере оценить каждый из двадцати трёх серьёзных, наводящих на размышления проектов, представленных Советской Россией. Без сомнения, это важный вклад, но все они страдают отсутствием требующихся монументальности, статичности и обращённости к вечности, в иных внимание не уделяется даже Колумбу, на второй план отходят свет, использование американских традиций, вследствие чего эти проекты не

⁷² Десять лучших проектов конкурса были удостоены первой премии в такой очерёдности: Дж. Вентцлер (Германия); В.Р. Амон (США); «Хелми, Корбет и Харрисон» – Р.П. Роджерс, А.Е. Пур и В.К. Олтаржевский (США); Д.Д. Эллингтон (США); П. Медори, В. Паллери и А. Верчеллони (Италия); Л. Бертин, Дж. Дойон и Г. Нестерофф (Франция); Д. Нельсон и Э. Линч (Франция и США); Х.В. Палачиос и Л.М. Бланко (Испания); Т. Лешер, П. Андро, Дж. Дефонтен и М. Готьё (Франция); Дж.Л. Глив (Англия). Авторы 10 проектов, достоинство которых было признано наиболее близким к премированным, жюри наградило почётными дипломами: Дж.Т. Грисдейл (США); Н.И. Крендалл, Д.К. Клини и Дж.Х. Риггз младший (США); Н.Е. Лансере (СССР); Н.В. Васильев (США); А. Гарфильд (США); Э. Минатти и Дж. Мазини (Италия); К. Роскот (Чехословакия); М. Гогуа, К.А. Дори (Франция); Р. Кон (Франция); Я. Железовский и М. Жанин (Франция) (Program and Rules of the second Competition ... P. 7–8).

К.С. Мельников. Конкурсный проект маяка-памятника Х. Колумбу в Санто-Доминго. 1928–1929 гг. Перспектива.

могут участвовать во втором конкурсе... С другой стороны, нельзя отрицать, что в этих работах заложены духовные идеи»⁷³.

Но упреки Келси не относились к центральному проекту советской части конкурса, выполненному на уровне художественного открытия – проекту Мельникова. На направленном в Мадрид чертеже, который представлял интерьер (часовню) монумента, советский архитектор от руки по-английски написал пояснение, передающее вложенный в проект философско-мировоззренческий, грандиозный по масштабу замысел: «Два мира (два конуса) поддерживают друг друга. Посреди двух миров монумент Христофора Колумба, который, соединив их, пробудил жизненную силу Америки. Обильным потоком соки из вершины конуса, через корону Испании, по хрустальным струнам монумента Колумба вливаются в Старый Свет.

Созданная на основе европейской цивилизации, культура Америки всё более и более приобретает самостоятельность и творческую оригинальность. Опора Старого Света (нижний конус) сменяется новыми мощными опорами в виде двух откатывающихся крыл. Эти механизированные опоры разрезают ветер и становятся в выгодную позицию для удержания в равновесии купола “Pan American Union”, каждый раз создавая новый образ у жителей Сан[то]-Доминго.

Величие открытия Христофором Колумбом целого нового мира, огромность его значения никак не может быть втиснута в какую бы то ни было постоянную величину, поэтому безграничность архитектурного действия памятника в честь

⁷³ Там же. Р. 97–99.

Христофора Колумба может быть осуществлена лишь с привлечением в композицию проекта стихии.

В настоящем проекте монумент с прахом Колумба, прикрепленный к верхнему конусу, может вращаться при условии, если произойдет одновременное совпадение направления крыл по диаметру и в вершине конуса окажется определенное количество дождевой воды, – одно крыло закроет кран и прекратит поток воды, омывающий монумент, – другое крыло откроет нижний кран, и вся вода, имея нужный напор, устремится на турбину под полом и монумент медленно, медленно ...

Телеграмма

Сан[то]-Доминго: В ночь на 12/III статуя Христофора Колумба повернулась на 38°8' к северо-востоку.

Лондон: В ночь... Париж... Москва... Токио... И так далее.

Это может случиться в сто лет один раз.

Крылья подхватывают конус на семи кольцах (гамма), отталкиваясь, музыкально играют и день и ночь, рассылают свои волны по всей поверхности земли, возбуждая человечество к неустанному творению великих трудов и подвигов, подобно Христофору Колумбу»⁷⁴.

При создании Мельниковым образа маяка, в котором, несомненно, присутствуют черты типа (переносного жилища северо-американских индейцев), основой стала изобретенная выдающимся инженером В.Г. Шуховым сетчатая гиперболоидная конструкция (реализованная им при сооружении нескольких маяков и разнообразных башен, включая самую известную – Радиобашню им. Коминтерна в Москве 1919–1922 гг.). Видимо от Шухова Мельников знал и об изобретённом в конце 1920-х гг. в СССР чрезвычайно лёгком и прочном синтетическом плёночном материале, который только и можно было использовать для оснащения 300-метровых, по существу тентовых, «крыльев» монумента.

О часовне, расположенной в нижнем конусе, Мельников говорил, что «даже не представляет себе, какое впечатление производил бы этот небольшой по пространству интерьер, но... впечатление должно быть сильным, так как человек ощущает связь форм стен и потолка. При одном лишь представлении о таком пространстве... у него дух захватывает»⁷⁵. Архитектор поразился тому творческому озарению, в результате которого он создал этот уникальный проект. Поэтому Мельникова потрясло известие, что ему было отказано участвовать во втором туре Всемирного конкурса на «тему, имеющую значение не для одних только американцев; имя человека, в честь которого назначен конкурс, принадлежит нам – европейцам»⁷⁶. Как бы компенсируя решение жюри, которое не смогло адекватно оценить шедевр, Келси писал: «Выдающийся механизированный проект Мельникова, в частности, уместен для Колумба и Пан-Америки. Для полной справедливости следует отметить, что его замысел был самым обсуждаемым проектом экспозиции в Мадриде»⁷⁷. 4 августа 1929 г.

⁷⁴ См.: Program and Rules of the second Competition... Р. 99; Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика М., 1985. С. 201–202.

⁷⁵ См.: Khan-Magomedov S.O. La prima uscita progettuale collettiva dell'avanguardia architettonica sovietica sull'arena internazionale (Хан-Магомедов С.О. Первый коллективный проектный выход советского архитектурного авангарда на международную арену) // Architetti russi per Cristoforo Colombo Santo Domingo 1929. Brescia, 1993.

⁷⁶ Цит. по: Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни ... С. 83.

⁷⁷ Program and Rules of the second Competition ... Р. 99.

К.С. Мельников. Конкурсный проект маяка-памятника Х. Колумбу в Санто-Доминго. 1928–1929 гг. Главный фасад.

в письме Мельникову он подчеркнул: «Я хочу Вам дать знать, что Ваш очень современный и вдохновляющий проект привлёк большее внимание, чем другие, на выставке в Мадриде. Жюри, однако, чувствовало, что он слишком механистический, чтобы присудить ему премию»⁷⁸. В ответном послании 17 сентября помимо благодарственных слов Мельников писал Келси, что «был бы очень рад возможности встретиться... и обсудить вопросы и проблемы современной архитектуры. Моё глубокое стремление – когда-нибудь посетить Соединённые Штаты и из первых рук ознакомиться с великой американской архитектурой и техникой»⁷⁹.

Что касается других советских конкурсантов, то лидер рационализма Ладовский, придававший большое значение роли пространства в архитектуре, в проекте 56-этажного крестообразного в плане монумента Колумбу продолжил разработку композиции небоскрёба, интересовавшей его много лет. Он исходил из тезиса, что «архитектура не должна маскировать конструкции, как это делают американцы, она должна быть правдива», «выражать пространственное соотношение с надлежащей степенью точности»⁸⁰. Значительная часть каркаса его памятника-маяка оставлена незаполненной (без стен), создавая соотношением открытого и закрытого сложный вертикальный ритм, подчёркивающий высотность этого своеобразного сооружения⁸¹. Келси отозвался о проекте Ладовского так: «Ничто в этой бессмысленной фантазии не напоминает о Колумбе и его деле, но как легко узнаваемый маяк эта башня очень хороша»⁸².

К творению лидера конструктивизма Леонидова, для которого тема Колумба стала поводом для создания проекта научно-культурного центра мировой цивилизации, «технический советник» остался равнодушен. Используя предельно лаконичные геометрические формы зданий и элементов мемориала, Леонидов поместил их в некий пространственный параллелепипед, выявленный взаимно перпендикулярными осями – вертикальной и двумя горизонтальными. На квадратном в плане участке по диагонали он расположил распластанный объём музея, в котором вместо стен – мощные струи воздуха, изолирующие внутреннее пространство и часовню – стеклянный шар со спиральным пандусом. Маяк с «вольтовой дугой в миллиард свечей» мог быть установлен на одной из 300-метровых мачт «радиопорта». Вдохновившись идеей интернационализации, общности целей человечества в его научном прогрессе, Леонидов предлагал использовать новейшие достижения радио, телевидения, кино, авиации, морского транспорта. Он считал, что «только данная система памятника Колумбу могла бы быть культурным вкладом в историю человечества»⁸³.

Внимание «технического советника» привлёк совместный проект Крутикова, Бунина и Варенцова⁸⁴, в основу которого легла концепция «подвижной архитектуры», исходившая из предпосылки, что с развитием цивилизации человечество будет освобождать Землю от зданий, дорог и других сооруже-

⁷⁸ Цит. по: Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни ... С. 83.

⁷⁹ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 144. Это письмо на английском языке, на бланке ВОКСа до сих пор оставалось неизвестным.

⁸⁰ Ладовский Н. Небоскребы СССР и Америки // Известия АСНОВА. 1926. С. 3–5.

⁸¹ Оставляя часть каркаса незаполненным, Ладовский, по словам одного из его учеников, рассматривал такие этажи как резервные, которые будут осваиваться по мере необходимости (Khan-Magomedov S.O. Op. cit.).

⁸² Program and Rules of the second Competition ... 1930. P. 145.

⁸³ Леонидов И. Конкурсный проект памятника Колумбу. Записка к проблеме памятника // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 147–148.

⁸⁴ Все трое – дипломники Ладовского во ВХУТЕИНе (1928 г.).

ний. Развивая свою дипломную тему «летающего города», в котором здания парят над землёй, Крутиков предложил идею будущего выхода человечества в космос. «Земной шар» с изображением каравеллы Колумба, символизируя освоение Земли, служит основанием этого памятника, над которым на мачте, на большой высоте размещена «планета»-маяк. Келси не оценил философский смысл задуманного – помня первопроходца, человечество ждёт новых колумбов, рвущихся к другим планетам: «Маяк и земной шар – очень оригинальное решение для сигнальной башни, но практически лишь в хорошую погоду; постамент и сфера достаточно интересны, но как далеко всё это от мантильи, высоких гребней и звуков гитар»⁸⁵.

В проекте Тарасова, с его своеобразно решённой венчающей частью, эффект мощного света маяка, видимо, обеспечивался формированием электрической дуги при сближении гигантских электродов, которые несли направленные друг к другу символические «орлиные клювы» наклонных призматических установок на обоих объёмах сооружения. Отмечая эту «принципиально новую философию»⁸⁶, Келси писал: «Вполне возможно, что создание света с помощью призматических форм и ночью, и в солнечные часы, может быть осуществлено. В любом случае, это сильная и оригинальная идея, не менее сильная по композиции, судя по немногим представленным материалам, с очевидным желанием создать больше света в атмосферных условиях тропиков. Но мы не в состоянии понять, почему научный подход должен быть столь безрадостным, почему научные решения, подобные этому, не попытаться одухотворить или хотя бы гуманизировать... Верхняя терраса, служащая связующим звеном между башнями, наводит на мысль о месте соприкосновения двух американских континентов с их мощью и природной силой, и свет, льющийся оттуда, производит сильное впечатление»⁸⁷.

Работу одного из лидеров ленинградской архитектурной школы Белогруда, который продемонстрировал лишённые декора геометрические формы и приём диагонального построения объёмно-пространственной композиции, Келси поддержал безоговорочно: «Современно, сильно и красноречиво. Здесь море, паруса и мачта, сделанная даже без тени реализма. Ничто не может быть более архитектурно. Как вечная мечта, над головой первооткрывателя располагаются гербы всех народов Панамериканского союза. Ясный, прямой и острый, очень одухотворённый проект, прекрасно решённый во славу надежд, испытаний и триумфа Христофора Колумба»⁸⁸.

Сообщая советским участникам конкурса, что после закрытия выставки в Риме их проекты будут возвращены ВОКСу, сотрудник его отдела выставок В. Мильман, не учёл специфику конкурсного дела, разницу между экспонатами художественных и иных выставок (десятки которых ежегодно отправлялись ВОКСом за границу и возвращались обратно за счёт принимавшей их зарубежной стороны) и конкурсными проектами (не экспонатами), возврат которых осуществляли сами авторы или за счёт направившей их стороны. 10 июля 1929 г. Державин проинформировал нового генерального секретаря ВОКСа Ю.В. Мальцева: «Один из наших участников колумбовского конкурса инж. Орловский получил и передал нам письмо от мадридского комитета с предложением выслать ему обратно принадлежащий ему проект при условии перевода

⁸⁵ Program and Rules of the second Competition ... P. 134.

⁸⁶ Ibid. P. 151.

⁸⁷ Ibid. P. 81.

⁸⁸ Ibid. P. 126.

в Мадрид 18-ти песет. Ввиду того, что единичному лицу перевести сейчас за границу валюту не представляется возможным, инж. Орловский обратился к нам с просьбой содействовать ему в разрешении этого вопроса. Ввиду того, что все участники конкурса, вероятно, пожелают получить обратно свои проекты, просим Вас сообщить нам, собирается ли ВОКС предпринять какие-либо меры к обратной доставке работ так же, как они были отправлены им в Мадрид, или же вопрос о возвращении проектов предоставляется заботам самих авторов?»⁸⁹. Других данных по этому вопросу в архиве обнаружить не удалось, но поставленная перед ВОКСом задача была уже выполнена, и он не хотел тратить бюджетные деньги на возврат проектов, поэтому большая их часть, видимо, осталась за рубежом⁹⁰.

В 1930–1931 гг. состоялся второй этап конкурса, и среди премированных снова оказался проект американской архитектурной фирмы с участием Олтаржевского (соавторы Роджерс и Пур). Но первой премии был удостоен молодой архитектор Дж.Л. Глив (Англия), проект которого без претензии на высотность, но обладающий монументальной мощью образного решения и яркой символикой, оказался сопоставим и с искомой устроителями конкурса величественностью и обращённостью к вечности, свойственной памятникам древнейших эпох.

Результаты колумбовского конкурса, жюри которого не поддержало советский авангардизм, отчётливо сказались на изменении направленности в архитектуре СССР, которая вскоре была сориентирована на «освоение классического наследия». Уже при составлении проекта программы открытого конкурса на проект Дворца Советов в Москве (разослан участникам его предварительного проектирования 17 апреля 1931 г.) отмечалось, что Дворец должен «явиться памятником эпохи героической борьбы пролетариата СССР за построение фундамента социализма в первую пятилетку», а его архитектура стать «исключением на общем фоне современного строительства, производимого в условиях переходного периода с особой утилитарностью и зачастую с расчётом лишь на кратковременное функционирование». Тем самым архитектура авангарда трактовалась как вынужденный эпизод советской истории, и выдвигалось требование о необходимости «оформления сооружения (т.е. Дворца. – И.К.) с художественной стороны»⁹¹. К решению этой задачи в 1930-х гг. с большим мастерством приступили прежде всего архитекторы именно ленинградской школы, участники международного конкурса, давшего своеобразный импульс для формирования монументальной архитектуры сталинского ар деко и неоклассики.

Открытие же монумента-маяка Христофору Колумбу, возведённого в Санто-Доминго по проекту Глива в 1986–1992 гг., – массивного сооружения в форме беломраморного латинского креста, простирающегося на 210 м в длину (при высоте 31 м) – было приурочено к 500-летию открытия Америки. По торжественным дням более 150 мощных прожекторов создают в небе над памятником великому мореплавателю гигантский светящийся крест, а маяк посылает луч в сторону океана.

⁸⁹ ГА РФ, ф. 5283, оп. 11, д. 58, л. 137.

⁹⁰ Они могут храниться в архивах устроителей выставок в Мадриде и Риме, Панамериканского союза или ином месте. В российских государственных и личных архивных фондах имеются лишь эскизные листы и фотографии с направленных на конкурс работ. Исключение – проекты Мельникова, Олтаржевского и Щусева, но это, скорее, варианты (копии), оставшиеся у их авторов. Пока выявлены (в подлинниках, эскизах, фотографиях с них, репродукциях в книгах и журналах) только 13 проектов.

⁹¹ ГА РФ, ф. 5446, оп. 32, д. 9, л. 98–99.